

● БЕСТСЕЛЛЕР

ВЛАДИМИР НОВИКОВ:

Я никогда не напишу роман о современном интеллигенте

Владимир НОВИКОВ — известный филолог и критик, профессор МГУ, в прошлом году неожиданно для многих опубликовал в журнале "Звезда" "Сентиментальный дискурс, или Роман с языком", который уже в этом году был удостоен премии журнала как лучший роман года и вызвал оживленные дискуссии. Жанр произведения сам автор определил как "филологический роман". И действительно, в романе два героя — язык и лингвист по фамилии Языков.

В июне в Музее Марины Цветаевой прошла презентация новой книги Владимира Новикова. Под одной обложкой с "Романом с языком" встретились три традиционных для автора эссе — о филологическом романе, об эросе в современной литературе и о нашем речевом поведении. Художественное произведение не отменяет литературоведческого и критического опыта автора, считает сам Новиков. Вот почему, беседуя с Владимиром Ивановичем, мы не стали ограничиваться обсуждением его писательского дебюта.

— В своих статьях вы часто не без иронии рассуждали о борьбе писателей за право сочинить последний роман XX века. Прочитав "Роман с языком", я поняла, что и ваше произведение в гонке за это почетное звание тоже участвовало. Тем более что в предисловии вы указываете на то, что последние изменения вносили в текст 31 декабря 1999 года.

— Для нашей литературы XX век уже закончился, а XXI век еще не начался: переход из одного качественного состояния в другое несколько затянулся. Написанием собственного романа я хотел обозначить этот переход для себя лично: из постмодернистской стадии в некую новую разновидность реализма — реализма не в узколитературном, а скорее, в философском смысле.

— Но ваш роман упрекают как раз в излишней филологичности, которая якобы мешает читателю следить за перипетиями жизни Языкова.

— "Филологический роман" не строгий термин, а своего рода интеллектуальная провокация. Я ориентировался не на определенную социальную категорию, но на читателя как личность. Старался всеми силами отойти от своей биографии, обобщить себя. Поэтому мне было приятно прочитать в рецензии Виктора Мясникова (журнал "Новый мир"), что в Екатеринбурге живет точно такой же доцент, как мой Языков. Вот только не знаю, старается ли он, как мой герой, преодолевать свой эгоцентризм, двигаться от слова к жизни. Ведь для равноправного диалога с языком даже лингвисту нужно иметь еще и полноценную жизнь.

Меня веселят размышления отдельных критиков о том, что филологи знают, как пишется проза. Проза — это прежде всего характеры и их соотношение плюс повествовательная техника. Научиться этому можно только на конкретном примере. Для меня такими образцами были Тьянов, Каверин, Битов и — самый близкий — "Женский роман" Ольги Новиковой. Литература действительно уже написана, но в нее можно добавлять по чуть-чуть того, чего она еще не знала, а именно характеры нашего времени.

Суть кардинального изменения литературы на рубеже веков заключается в том, что филологическая эпоха сменяется антропологической. В XX веке литература буквально фетишизировала язык, тем самым умертвив его. Оживить пациента можно, только пытаясь проникнуть во внутренний мир человека, который не умеет писать, и следовательно, мир этот труднодоступен и неизвестен. В благодарность за это он будет нашим читателем.

В антропологической эпохе уйдет в прошлое повсеместная элитарность, свойственная литературе 90-х годов. Литературе необходим средний класс. И если в обществе наш мы его никак не обнаруживаем, то в литературе он уже формируется. Под ним я подразумеваю произведения, которые принято называть двусмысленным словом "беллетристика". Это литература одновременно и читабельная, и эстетически выдержанная. Я бы назвал здесь два спорных имени: Людмила Улицкая и Андрей Волос. Они создают добротную, сюжетно организованную прозу, в которой заложено много познавательного и просто любопытного, хотя и без выхода в метафизику. А вообще все

Фото С. РАПЧЕВСКОГО

мы, сочиняющий народ, беллетристика, а время выбирает среди нас лучших.

— И все-таки в вашем романе сюжет, на мой взгляд, играет не главную роль. Для Языкова гораздо важнее отношения с языком, чем с женщинами. Свой роман с языком он реализует в бесконечном поиске слов, адекватных состоянию или ситуации, создании неологизмов, заимствовании из других языков понятий, которые остро не хватает российской действительности. Мне даже приходило на ум сравнение с Павичем и его многочисленными словарями и справочниками.

— За Павича, конечно, спасибо. Сравнение с ним любому современному писателю в принципе может польстить. Для меня язык — это модель жизни, метафора многообразия человеческих типов и отношений. Потенциальная открытость языков друг другу для меня связана с мечтой о такой же взаимной открытости людей.

Бесспорно, сила повествования — в линейности, в том, чтобы вести читателя за собой. Но и без элементов гипертекстуальной литературы сегодня уже не обойтись. Именно так можно решить вечный спор эстетизма и утилитаризма. Мне кажется, литература следующего столетия должна стать надфилологичной. Это не означает, что филологию нужно "сбросить с парохода" — ее нужно положить в подножие искусства.

— Видимо, это уже происходит. Маринину и Дашкову вытеснил филолог Акунин. Как вы относи-

тесь к эксперименту Григория Чхартишвили?

— Думаю, что его культурную роль все-таки следует рассматривать как позитивную. Он перевел детектив из унылой милицеской плоскости в ретроспективную, которая не только развлекает читателя, но и образцовывает. Правда, когда Тьянов взялся писать утилитарно-просветительскую вещь о Кюхельбекере, он создал, без преувеличения, великое произведение "Кюхля". А Акунин совершает обратный путь — извините, путь интеллектуала на панель масскультулы.

— А чем будете заниматься вы, литературовед и прозаик?

— Сейчас я занят срочной работой, с которой катастрофически опаздываю. Пишу книгу о Владимире Высоцком для серии "Жизнь замечательных людей".

Я пишу о Высоцком по модели тьяновского "Пушкина", реконструируя внутренний мир героя и проецируя его на биографию, творчество, тогдашнюю жизнь вообще. Должен сказать, что повествовательная техника, приобретенная в ходе работы над "Сентиментальным дискурсом", мне очень пригодилась. Фактически это роман в соавторстве с Высоцким. Он сам построил сюжет своей жизни, и я лишь осуществляю литературную запись. Совершенно изнурительное занятие, но, надеюсь, полезное. А вот чего я точно никогда не напишу, так это романа о современном интеллигенте.

Беседу вела
Анна МАРТОВИЦКАЯ

28 июня — 4 июля 2001 г.
Новиков Владимир

Кудьбура. — 2001. — 28 июня — 4 июля. — с. 4